

В отличие от откровенного цинизма, царившего в семье Гусмана, в доме Чичиковых был утверждён культ ханжества: перед глазами юного Павлуши всегда была пропись «не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце» (Г., VI, 224). Но в то же время, как вспоминает герой «Мертвых душ», отец «крал передо мною у соседей лес и меня еще заставлял помогать ему. Завязал при мне неправую тяжбу; развратил сироту, которой он был опекуном» (Г., VII, 114). «Пример сильнее правил» (Г., VII, 114) — и это, а не нравственные проповеди легло в фундамент морали будущего приобретателя.

Полное одиночество было едва ли не первым чувством, испытанным гоголевским героем. «Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве!» (Г., VI, 224). Такое состояние было не случайным стечением обстоятельств, а нормой жизни, которой отец Чичикова не только придерживался сам, но и завещал сыну: «С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными» (Г., VI, 225). Однако и подобные связи с людьми в глазах Чичикова имели вторичную ценность: «Товарищ или приятель тебя надуёт и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой» (Г., VI, 225).

Родительские советы оказались очень ко времени. Сознательная жизнь Чичикова совпала с тем периодом, когда в России рушились извечные уклады жизни: «Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; все полезло в Петербург служить; имения брошены, управляются как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее...» (Г., VI, 240). В воздухе пахнет «шалыми деньгами», и на авансцену русской истории уже мчит «богач на пролетных красивых дрожках, на рысках в богатой упряжи... а ведь был конторщик, волосы носил в кружок!» (Г., VI, 228). Истинным хозяином жизни становился капитал. Без роду и племени, он бесцеремонно вторгался в светские гостиные и все более напористо оттеснял в различных областях жизни дворянскую аристократию⁸.

Воодушевленный отцовскими наставлениями и примером своих удачливых современников, пускается Чичиков в путь по бурным водам житейского моря, как за два столетия до него это сделал герой плутовского романа. И с того момента, когда юный приобретатель на тележке, «которую потащила мухортая пегая лошадка», покинул отеческий дом, до нашей последней встречи с ним мы всегда будем видеть гоголевского героя в дороге. Подводя итоги своей жизни после очередной неудачной аферы, он сравнит собственную судьбу с «судном среди волн», которое несется «по воле ветров» (Г., VII, 108). Мотив, уже знакомый нам по плутовскому жанру. Какую же роль в судьбе и характере гоголевского героя играет дорога?

Как пишет современный исследователь, «пространство в художественном произведении моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические...»⁹. Многообразны его функции и в «Мертвых душах».

Прежде всего дорога, ставшая универсальной формой художественного пространства главного персонажа гоголевской книги, выводит его за пределы замкнутых в себе социальных ячеек русского общества. Поэтому было бы большим упрощением считать Чичикова средним представителем дворянско-чиновничьего общества¹⁰. Сам Гоголь чувствовал, что перед

⁸ Машинский С. И. Художественный мир Гоголя. М., «Просвещение», 1971, с. 324.

⁹ Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1968, вып. 209, с. 6.

¹⁰ Тамарченко Д. Е. «Мертвые души». — В кн.: История русского романа в 2 т., т. I. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1962, с. 344.